

Елена Андрейчикова

Убедительные знаки судьбы

Борис Петрович загулял. Некрасиво так. Подленько. Не то чтобы до него никто такого кощунства не совершал. Но соседи расстроились. Да, в их доме еще никто этого себе не позволял. Правда, дом был новый, всего четыре года, не больше. До этого они жили в аварийной сталинке на Пироговской, там не бесчинствовал. А как теща умерла, ее квартиру продали и переселились в центр, в новую свечку вездесущего Кадорра, – тут Остапа понесло. Вернее, Бориса Петровича.

Бес по ребрам: громко загулял. Знали все: и консьержки, и управдом, соседи слева и справа, снизу и сверху по всем семнадцати этажам, и даже дочь. Только жена не знала, хотя он особо не таился. Можно сказать, вызывающе ходил к соседке напротив. На одной лестничной клетке! А приличный же мужчина, все недели – и пакеты с едой домой регулярно таскал, и мусор выносил, не пил и даже не курил. Но загулял.

Жена Светлана долго ничего не замечала. Вот в упор на противоположную дверь смотрела, а не видела, что творится. Чьи отпечатки пальцев прописались на тонкой стальной дверной ручке соседки. То ли умышленно она отводила взгляд каждый раз, как он, довольный и румяный, возвращался с опозданием домой. То ли носом не чуяла чужой женский парфюм, которым соседка Светка обильно себя поливала перед приходом любимого. Надо же, еще и тезка. То ли из-за близорукости своей не видела сливовые помадные пятна на рубашке и иногда на брюках. Там совсем уж очевидные были, светлые, немые, но кричащие знаки адюльтера. А то ли сознание ее просто отказывалось во все это верить после двадцатилетнего брака. Хорошего брака. Счастливого. Как у всех.

– Все папе расскажу!

– Я брошу, честно.

Жена только замечала, что пятнадцатилетняя дочь закурила. Пахло от нее кисло и горько, чем-то чужеродным – никто в квартире больше не курил, потому этот запах был очевиден и первым попадал с порога в нос бдительной матери.

А вот Борис Петрович даже кичился этой своей неожиданной весной. Как будто поверить в себя и свои мужские силы было для него важнее, чем все эти принципы, ценности и семейный очаг. Грелся в лучах своей влюбленности, а еще больше в лучах ее влюбленности. Как его Светка любила! Попробуйте от такого откажитесь! Ласка, нежность, комплименты, ми-ми-ми, тигр и котенок (по ситуации). Даже если с женой все хорошо, красивая женщина, хозяйка изумительная, опора и поддержка, и спать с ней уютно и тепло. А все равно, кобель тянулся в соседнюю дверь. История длилась месяца три, а Светлана, жена, ничего не замечала. Вздыхала иногда без повода, но он не спрашивал, вот еще. Парадоксальный подход изменщиков – скандал не устраивает, значит, не ревнует, и логическая цепочка приводит только к одному выводу – а значит, не любит. Знак верный – будем продолжать.

Дочь сразу все поняла. Сообразительная мудрая женщина. Хоть и пятнадцатилетняя.

– Тебе не кажется, что папа странно себя ведет? – спросила она у брата, сидящего сутками то в телефоне, то за компьютером.

– Странно? Нет, не кажется, – не отрываясь от смешавших его человечков на ютубе, ответил тот.

Решила разобраться сама. А то, конечно, отец выглядит бодрым, свежим и всегда веселым, а это очень подозрительно. Раньше за ним такого не замечалось.

Еще не замечалось, чтобы он спортом интересовался, а тут годовой абонемент себе в фитнес-клуб купил, форму «Nike» и даже несколько раз заходил в солярий. Чем это объяснить, как не любовницей? Юная, но опытная, книжек начиталась. Солярий: она была уверена, это вообще первый звоночек. Только почему мама не слышала, что звоночек этот, точнее, колокол звонил и по ней?

– Света, есть у нас пантенол?

– Зачем тебе?

– Да сходил в солярий, Мишка посоветовал идти голым, смеялся надо мной, что я в трусах туда залез. Поджарился я, пересидел. А у меня же там кожа лучей в жизни не видела. Печет теперь, караул.

Жена ничего не нашла в этом подозрительного.

А Настя – да.

И стала следить за поджаренным папой. Следить долго не пришлось. Уже вечером встречала его первой с работы, дверь открыла, приготовилась обнюхивать. Точно. Все ясно. Осталось вычислить, кто это. Комиссара Мегрэ жизнь разочаровала, потому как вычислять долго и не пришлось. Консьержка тетя Люся шепталась с соседкой с первого этажа. Имя Светки всплыло быстро. Чтобы не запутаться, подбирай?!

Если быть честными, а Настя считала себя честной девушкой, то в этом случае «жертва несла ответственность наравне с преступником», то есть и маму она немного обвиняла. Соседка Светка была молодой (в Настинном возрасте она не казалась молодой, но все-таки на двадцать лет папы младше), красавицей и умницей, а главное – была инструктором по йоге в собственном маленьком женском клубе развития. А мама давно решила, что взрослой и серьезной даме не обязательно быть чем-то еще заинтересованной, кроме дел семейных, можно просто брать аудиторию бараньими ребрами и тортом наполеон.

Борис Петрович последних три месяца отказывался есть и ребра, и торт. Размышлял о здоровом питании, считал калории и даже неприлично намекал на вегетарианство, что маму расстроило, но снова не вызвало никаких подозрений.

Через неделю Настя знала уже все нюансы: как Петрович пораньше с работы уходит, как Светка стоит у двери и смотрит, чтобы никто на лестничной клетке не входил и не выходил. Он поднимался по лестнице пешком на девятый этаж, престарелый павлин, и шмыгал к ней в обитель подлости и разврата. Точно так же после: Светка выходила первой, он бежал пешком вниз, спускался на один этаж и уже поднимался на лифте.

Настю возмущала собственная мать. Как не видит? Почему молчит? Где скандал, развод и забвение ребер, и мужских, и бараньих? Блондинка, что с нее возьмешь?! Юношеский максимализм прини-

мал решения, не давая себе труда погрузиться в проблему, понять Петровича и, возможно, простить. Нет. Никогда. Старый ловелас. И пакостник. Хотя папу очень любила. До этой катастрофы.

Пошла искать советов в гугле. Мнения психолога, философа и писателя по этой теме она прослушала и прочла, но действительной помощи не нашла. Решила все-таки маме пока ничего не говорить. Сама разберется. Сама всех спасет. Но пока не ясно, как.

Для начала решила поговорить с отцом.

– Папа, я все знаю.

– А я думал, у меня все в доме слепые.

– Папа, что ты собираешься делать?

– Пока не знаю.

– Кончай. А то маме расскажу.

– Расскажи.

– Чем она тебе так понравилась?

– Она волшебная. И вообще, мы с ней идеально подходим друг другу: я – телец, и она – телец. В один день родились.

– Она тоже шестьдесят восьмого года рождения?

– Доча...

На следующий день пошла к Светке. Та, улыбаясь и несколько не смущаясь,пустила и чаю заварила.

Квартирка диковинная. Коврики для йоги. В горшке ростки пшеницы. Витаминки, бады, патчи для лица. Тут же книги, тут же бусинки, из которых делает разноцветные браслеты и сама носит, по пять на каждой руке. Ярко, уютно. Желтый диван, красный сервиз, из еды – только фрукты. И ковер белый, толстый, на нем подушки красные. Светка села в позу лотоса. Настя была в юбке, долго думала, как сесть. Села на стул. Ей было чуть спокойнее чувствовать себя выше этой гуттаперчевой курицы.

– Света, посоветуйте, с чего начать, хочу йогой заниматься.

– Молодец, птичка, приходи ко мне в клуб.

Настю «птичка» разозлила раньше времени. Прорвало:

– Зачем ты с папой закрутила? – выкрикнула Настя, как будто этот вопрос мешал дышать и жить те четыре минуты, которые она была в квартире.

– Птичка, я верю в судьбу, верю в знаки. Мы на одной лестничной клетке. Друг напротив друга! Часто ездили вместе в лифте.

А у нас все сплошные знаки судьбы. Я люблю чай матча, и он. Я не ем мяса, и он (а как же ребра?). Я обожаю Вивальди, и он. (Кто, папа? А как же Гребенщиков?) Мы оба тельцы. В один день родились! (Второй раз шутку Настя не повторяла.)

– Съезжай отсюда, а?

– Не съеду, птичка. Это любовь и судьба.

Настя вскочила, зацепила, конечно, умышленно, чашку с матча. Жижя неясного цвета быстро растеклась по белому ковру. Квартира съемная, так что вопила Светка долго, с выражениями и интонациями, обычно не свойственными йогам.

– А я – козерог, Светка. Это твой приговор. Твой недобрый знак.

Это она уже сказала, глядя на оппонента из своей квартиры в глазок.

Знаки. Верит она в знаки. Где бы найти таких знаков, чтобы она поверила в другое? Долго думала Настя, ответа все не было. Спать перестала. Есть перестала. А эти все крутили любовь. И даже на два дня на рыбалку папа уехал. Но она-то знала, что и где он удил с пятницы по воскресенье. Щук три штуки привез. С Привоза.

Но все-таки придумала. Сработает – нет, а попробовать стоило. Будут тебе, Светка, знаки. Прямо как в любимом папином фильме «Тайна черных дроздов».

Пошла в парк. Долго там бродила упрямая юность, желая решить семейную проблему, и способ для этого придумала всего один. Дроздов не было, только воробьев нашла. Вернее, были, но не те. Ей же нужны были мертвые. С одной стороны, ей очень жалко было вмешивать в эту грязную историю три безвременно ушедшие из жизни птички. Три трупика. Но с другой стороны, ради спасения семьи воробьям предлагалось сослужить службу. Так и делать толком ничего не надо – просто полежать на пороге Светкиной квартиры. В качестве недоброго знака судьбы.

И алиби придумала – когда все уедут к бабушке на день рождения. А она как будто телефон мобильный забыла, вернулась, хранила воробьев в своем шкафу на полочке с футболками, быстро схватила, почти без брезгливости, выбежала из квартиры, бросила воробушков на желто-красный коврик напротив – и бежать.

Потом еще подкладывала. То трех, то двух. На четвертый раз всего одну птичку нашла.

– Настя, это ты делаешь? – прошептала Насте у дверей в парадную начинающая нервничать Светка.

– Что именно? Сплю с чужим мужем? Нет, Светка. Это ты, – громко ответила Настя. Ей-то чего шептаться? И закрыла перед самым Светкиным сморщенным носом дверь. Пусть сама открывает. Тем более, надо успеть подбросить на этот раз дохлую ворону, лежавшую в рюкзаке поверх учебников. Между прочим, символ хаоса и тьмы.

Через месяц Светка таки съехала. Тихо, быстро, без скандала. Как и положено суеверным бежать от знаков судьбы. Или от юных категоричных максималисток, которые сами готовы вершить судьбы, если взрослые не могут разобраться. Папа спорт бросил. На время взгляд погас, но потом рыбалкой увлекся. Всегда в доме теперь свежая рыба. Не с Привоза. К той не ездит, Настя проверяла. Далеко, а папа ленив и консервативен, никогда нога его не ступала на Черемушки, не в его возрасте начинать.

Маму не поймешь – то ли так ничего и не поняла, то ли не знала, что с этим делать, поэтому бездействовала. Но после того как Светка съехала, мама пошла на кулинарные курсы. Мало ей было всех ребрами и тортами ублажать, так теперь начала и круассаны выпекать, и профитроли, и безе. Размечталась о своей кондитерской. Даже маленькое помещение под аренду присмотрела.

И к тому же, ежедневно начала дворовых воробьев сладкими крошками подкармливать.

